

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАЯ,

повествующая о том, как четверо монахов-путников пировали в царском саду и как напрасно лелеял вожделенные мечты оборотень в образе царевны

Мы остановились на том, как Сунь У-кун и его спутники, следуя за гонцом, направились во дворец. Когда они прибыли к главному входу, дворцовые привратники-евнухи тотчас же доложили правителю о них, и правитель велел ввести гостей. Все трое стали в ряд перед тронном государя, однако не совершали поклонов до земли, как положено в таких случаях.

— Вот, значит, какие они, высокочтимые ученики преподобного монаха, жениха нашей дочери-царевны, — с удивлением промолвил правитель. — Как же их зовут по фамилии и по имени? Где они проживают? По какому случаю отрешились от мира и какие священные книги хотят раздобыть?

Сунь У-кун тут же выступил вперед с намерением подняться на тронное возвышение, но стоявший сбоку телохранитель грозно прикрикнул на него:

— Ни с места! Если хочешь что-нибудь сказать правителю, говори!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Так уж у нас, монахов, принято, мы привыкли делать шаг вперед, если только нам представляется возможность.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже шагнули вперед вслед за Сунь У-куном. Танский наставник, опасаясь, что его ученики своей грубостью и невоспитанностью рассердят правителя, поднялся с колен и крикнул:

— Братья! Отвечайте, раз правитель спрашивает!

Сунь У-кун, заметив, что его наставник стоит в почтительной позе перед правителем, не стерпел и громко закричал:

— Правитель! Унижая людей, ты унижаешь себя! Как же ты допускаешь, чтобы мой наставник стоял около тебя словно слуга? Ведь он теперь твой зять? В миру принято называть жениха «знатным гостем». Где же это видано, чтоб знатного гостя не сажали рядом с собой?

От этих слов правитель так разволновался, даже побледнел. Он хотел было покинуть тронный зал, но побоялся потерять уважение своих приближенных. Набравшись духу, он велел слугам принести стул и предложил Танскому монаху сесть. Только после этого Сунь У-кун стал отвечать на вопросы правителя.

— Предки мои жили в пещере Водного занавеса на горе Плодов и цветов в стране Аолайго, расположенной на материке Пурравидеха, — сказал он. — Рожден я Небом и Землей и появился на свет из камня. У праведных людей я научился понимать Истину, собрал в свою обитель соплеменников и поселился с ними в моем благодатном краю. Я опускался в морские глубины и покорял драконов, поднимался на горные кручи и ловил зверей. Я вычеркнул из книги Смерти свое имя и обрел бессмертие. Получив звание Великого Мудреца, равного небу, я любовался драгоценными палатами в небесных чертогах, встречался с бессмертными небожителями, изо дня в день пел с ними и веселился. Мое житье в обители премудрых было исполнено радости и веселья. Но однажды я расстроил пиршество в саду богини Сиванму и учинил буйство в небесных чертогах, за что сам Будда поймал меня и придавил горой Усиншань, под которой я пробыл пятьсот лет, ни разу не вкушая ни чая, ни риса, а когда изнывал от голода или жажды, ел железные пилюли и пил медный сок. К счастью, когда мой нынешний наставник отправился из восточных земель на Запад поклониться Будде, бодисатва Гуаньинь избавила меня от кары и велела сопровождать Танского монаха на Запад. Мое настоящее имя — У-кун, а прозвище — «Странник».

Услышав все это, правитель пришел в такое смятение, что сошел со своего места и, подойдя к Танскому монаху, оперся на него своей царственной рукой.

— Дорогой зять, — воскликнул он. — Не иначе как самим Небом мне предопределено породниться с тобой, бессмертным праведником.

Танский монах выразил благодарность и попросил правителя занять свое место на троне.

— Кто же второй высокочтимый ученик преподобного наставника? — последовал вопрос правителя.

Выставив рыло и приняв внушительный вид, Чжу Ба-цзе начал рассказывать о себе:

— В своем прежнем перерождении я был падох до всяких удовольствий, любил предаваться лени. Всю жизнь прожил бестолково, разрушая свою природу. Я не представлял себе, какова высота неба и глубина земли. Мне трудно было пред ставить себе морские просторы и горные дали. Как-то раз, когда я томился в праздном одиночестве, мне вдруг встретился праведный человек, который сразу избавил меня от греховных сетей. После этого двумя-тремя словами он разрушил окружающую меня стену напастей. Я тогда же прозрел и во всем следовал этому человеку. Совершенствовался со всем прилежанием в течение двух сроков, по восемь лет каждый. Трижды благоговейно проходил тройную закалку. По истечении срока я вознесся и получил право переступить порог небесных чертогов. Владыка неба, Нефритовый император, оказал мне великую милость, назначил полководцем звезды Тянь-пэн. Я ведал всем воинством Небесной Реки, носился по безбрежным волнам небесного океана. Но на празднестве в саду царицы Сиванму захмелел и стал заигрывать с феей Луны Чан Э, за что был разжалован и изгнан на грешную землю; я воплотился по ошибке не в ту утробу и уродился со свиным рылом. Все последующее время я проживал на горе Фулин, где творил безмерные злодеяния. Но однажды повстречал бодисатву Гуаньинь, которая указала мне путь к добру. Тогда я вернулся к истинному учению Будды и стал охранять Танского наставника. Я направился с ним на Запад к Будде, чтобы поклониться ему и получить у него священные книги. Мое монашеское имя У-нэн, по прозванию Ба-цзе.

От этих слов у правителя затрепетало сердце и затряслась печенка. Он не решался даже взглянуть на Чжу Ба-цзе. А тот еще больше разошелся, начал размахивать головой, выпятил рыло, оттопырил уши и принялся громко хохотать. Танский наставник, снова испугавшись, что правитель рассердится, поспешил остановить Чжу Ба-цзе строгим окриком:

— Ба-цзе! Не шуми!

Тогда только Ба-цзе принял более пристойный вид и, скрестив руки на груди, застыл в неподвижной позе.

Тут последовал еще один вопрос правителя.

— Третий высокочтимый ученик, расскажи, по какой причине ты принял учение Будды?

Ша-сэнь молитвенно сложил руки ладонями вместе и начал говорить:

— Я из простых людей. Опасаясь попасть в круг непрерывных превращений, я стал искать путь Истины, скитался по разным местам, подобно облакам, доходил до самых дальних морских берегов и даже до края неба. Постоянно носил при себе монашеское одеяние и патру. Всякий раз, находя временное пристанище, я занимался тем, что закалял свой дух и свое сердце. В награду за искренние и ревностные старания Небо послало мне мага-отшельника, который сопровождал меня. Мы с ним изготовили снадобье долголетия и сочетали его брачными узами с красавицей Ча-ньюй. Когда все четыре преобразования снадобья слились в один образ и завершилось три тысячи проб, я переступил небесные границы, поклонился правителю Неба и получил звание Смотрителя дворцового занавеса. Сопровождал выезды Владыки неба в колеснице или паланкине, за что мне было пожаловано прозвище «воевода». На празднестве в саду богини Сиванму, по неловкости я обронил и разбил хрустальную чарку, за что был наказан и сослан на берега реки Люша. Там я преобразился и начал заниматься неслыханными злодеяниями. Но, к моему великому счастью, бодисатва, направлявшаяся в дальний путь в восточные земли, обратила меня на путь Истины. С тех пор я сопровождаю Танского наставника — верного последователя Будды, на Запад за священными книгами. Все помыслы мои устремлены сейчас к великому прозрению. Бодисатва повелела мне носить фамилию Ша и дала мне монашеское имя У-цзин, а прозвище «монах».

Правителя эти слова и испугали и обрадовали. Радовало его то, что его дочери-царевне попался жених — живой Будда, но трое его учеников, походивших на оборотней, приводили его в ужас. Как раз в этот момент явился прорицатель-звездочет, проникший в таинственные силы природы Инь и Ян, и доложил:

— День свадьбы выпадает на двенадцатый день текущего месяца нынешнего года. По звездам этот день приходится на сочетание жэнь-цзы, что по гороскопу предвещает благоприятный брак.

— А сегодня какой день? — спросил государь.

— Сегодня восьмой день после новолуния, значит, приходится он на сочетание знаков у-шэнь, — ответил звездочет. — В этот день обезьяны угощаются плодами, и полагается представлять даровитых людей, а также принимать их на службу.

Государь очень обрадовался и тотчас же повелел придворным чинам навести чистоту и порядок в дворцовом саду, особенно в беседках, вышках и теремах. Затем нареченному зятю вместе с его учениками предложили расположиться там на отдых в ожидании свадебного пира, на котором царица должна была появиться перед гостями. Отдав все необходимые распоряжения, правитель удалился. Все чины тоже покинули зал. Тут мы и расстанемся с ними.

Уже близился вечер, когда Танский монах со своими учениками направился в дворцовый сад, где их ждало угощение из постных блюд. Чжу Ба-цзе обрадовался.

— Надо наесться как следует! — воскликнул он.

Слуги тотчас же начали подносить ему целыми коробами отварной рис и мучные кушанья. Он съедал, снова накладывал и ел до тех пор, пока живот у него не вздулся. Вскоре зажгли фонари, приготовили постели, и все разошлось на отдых. Танский наставник огляделся по сторонам и, убедившись, что вблизи никого нет, начал изливать свою досаду на Сунь У-куна.

— Мерзкая ты обезьяна! — гневно заговорил он. — Всякий раз вредишь мне. Ведь говорил я, что не надо идти к расписной башенке. Зачем же ты потащил меня туда? Видишь, что из этого получилось? Какая заварилась каша! Как же теперь быть?

Посмеиваясь, Сунь У-кун начал оправдываться:

— Наставник! Ты же сам сказал: «Моя покойная матушка тоже выбирала себе жениха, кидая тряпичный мячик, и вышла замуж по воле судьбы». Мне показалось, что в голосе твоём звучали нотки зависти, вот я и повел тебя к башенке. К тому же, я вспомнил, что сказал настоятель монастыря для сирот и одиноких, и, воспользовавшись случаем, решил проверить — настоящая там царица или оборотень. Пока что мне удалось заметить, что правитель чем-то омрачен, а царицу я еще не видел.

— А что будет, если ты ее увидишь? — продолжая досадовать, спросил Сюань-цзан.

— Мои огненные глаза сразу же смогут отличить настоящее от поддельного, стоит только взглянуть на нее, — ответил Сунь У-кун. — Я могу определить по лицу, каков человек, добрый он или злой, богатый или знатный, благородный или подлый, правоверный или еретик.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн рассмеялись.

— Братец! Ты, видно, у гадалщиков учился, — сказали они.

— Все эти гадальщики годятся мне во внуки! — важно отвечал им Сунь У-кун.

— Да замолчите вы! — сердито прервал их Танский наставник. — Ты лучше скажи мне, — продолжал он, обращаясь к Сунь У-куну, — как отделаться от этой царевны, если она будет настаивать на своем?

— Двенадцатого числа, когда начнется свадебный пир, царевна непременно появится, чтобы поклониться родителям. Я в это время буду находиться рядом и погляжу на нее. Если она настоящая царевна, то ты станешь ее мужем и будешь пользоваться почетом и славой во всей стране — вот и все, — ответил Сунь У-кун.

Эти слова окончательно вывели Танского наставника из терпения.

— Ну и хорош ты! нечего сказать, — едва сдерживаясь, проговорил он. — Так и норовишь погубить меня? Ведь говорил У-нэн, что мы уже преодолели почти все звенья цепи наших злоключений, а ты все продолжаешь издеваться надо мной. Заткни свой зловонный рот и не смей больше отравлять меня своими смрадными словами. Иначе я сейчас же начну читать заклинание о сжатию обруча. Тогда плохо тебе будет.

Эта угроза так напугала Сунь У-куна, что он тут же опустил на колени перед наставником и начал молить его:

— Не читай! Прошу тебя, не надо! Если даже царевна окажется настоящей, все равно учиним буйство во дворце, когда начнется свадебный обряд поклонения Небу и Земле, и я выведу тебя из дворца.

За разговорами они не заметили, как наступило время ночной стражи.

Звонко капают капли

Из дворцовых часов водяных.

Из тенистого сада

Веет влажных цветов аромат.

Над дверьми опустился

Край жемчужных завес кружевных,

И огни золотые

В опустевших дворцах не горят. Позабыты качели, Только тень их тихонько дрожит.

Смолкли звуки свирели,

Ни души у дворцовых громад.

Всюду мрак и молчанье,
Лишь луна в небесах ворожит,
Да цветы возле окон
Серебро ее блеска дробят.
А над каждой поляной
В беспредельной ночной синеве
Тихо блещет лучами
Ясных звезд голубая роса.
Не кукуют кукушки,
Мотыльки задремали в траве.
Серебристой рекою
Млечный Путь пересек небеса.
Боль разлуки с любимым
В этот час и ясней и острей.
Белоснежные тучи
К милой родине тянутся вдаль.
А на иве плакучей
Чуть колыхнется зелень ветвей,
И от шелеста листьев
Лишь мучительней в сердце печаль.
Чжу Ба-цзе решил вмешаться.

— Наставник! — сказал он. — Уже наступила глухая ночь. Лучше завтра поговорим о делах, а сейчас давайте спать!

Учитель и ученики провели эту ночь в полном покое. Рано утром золотой петушок возвестил о рассвете. Государь тотчас же направился в тронный зал на утренний прием.

Открываются ставни
На бесчисленных окнах дворцовых,

И волну благовоний
К небесам источают куренья.
Свежий ветер повеял,
И с широких террас изразцовых
Вознеслись в поднебесье
Звуки флейт и чудесного пенья.
Хвост пятнистого барса
Возвестил появление владыки,
А за ним, словно тучи,
Вереницей поплыли знамена.
Вот подвески из яшмы
По одеждам рассыпали блики,
И лучи заиграли
На гранитном оскале дракона.
Хоть еще застилает
Легкой мглою дворцовые ивы,
Но все чище и ярче
Пламенеет земля на рассвете.
А жемчужные росы
Свой разбрызнули блеск прихотливый
И, дрожа, увлажнили
Лепестки ароматных соцветий.
Сотни мудрых придворных
Перед входом построились главным,
Возвещая владыке
И здоровье и славу навеки.
Ведь издревле известно:
При правлении единодержавном

И спокойны моря,

И прозрачны могучие реки.

По окончании приема всех гражданских и военных чинов государь повелел:

— К двенадцатому числу приготовить свадебный пир. А сейчас привести в порядок кувшины с изображением весенних пейзажей и отнести их во дворцовый сад, пусть наш нареченный зять полюбуется ими.

Сановнику, ведающему церемониями, было велено отвести троих достойных учеников Танского наставника в заезжий двор при почтовой станции, чтобы они там побыли некоторое время, а стольничьему приказу было дано распоряжение приготовить постные яства и доставить их на заезжий двор, чтобы сановник, ведающий церемониями, вместе с учениками Танского монаха вкушал трапезу. Сановнику, ведающему дворцовой музыкой, было велено в саду и в заезжем дворе развлекать гостей, чтобы они, любуясь весенними видами, могли скоротать эти дни.

Чжу Ба-цзе слышал все эти распоряжения и отозвался на них по-своему.

— Правитель! — воскликнул он. — Мы никогда еще не расставались с нашим наставником, с тех пор как встретились с ним. Позволь же и нам попировать на свадьбе в дворцовом саду хоть денька два и проводить наставника в твой дворец, иначе из твоего сватовства ничего не выйдет.

Безобразие Чжу Ба-цзе и его грубая, дерзкая речь привели в трепет правителя. К тому же Чжу Ба-цзе угрожающе вертел головой, выпятил свое рыло и захлопал ушами. Чтобы не расстроить свадьбу, правитель скрепя сердце отдал распоряжение:

— Накрыть два стола в хоромах Вечного умиротворения своих и иноземных народов. Я буду там вместе с моим нареченным зятем. А в беседке Весна накройте три стола и пригласите туда уважаемых учеников, пусть сидят отдельно, ибо, согласно старшинству, неудобно посадить их за один стол с их наставником!

После этого Дурень Чжу Ба-цзе успокоился и поблагодарил правителя.

Затем было отдано распоряжение придворному евнуху, ведающему женской половиной дворца, устроить пир для обитательниц трех дворцов и шести палат, на который пригласить государыню с ее приближенными и царевну, чтобы осмотреть приданое и отобрать подарки к свадебному пиру.

Было около десяти часов утра. Государь возглавил шествие и предложил Танскому монаху отправиться на прогулку в дворцовый сад, полюбоваться его красотами. Там были чудесные места. Вот послушайте:

Разноцветными камнями
Всюду устланы дорожки,
И узорные перила
Протянулись с двух сторон.
За решетками резными
Раскрываются бутоны,
И тончайшим благовоньем
Теплый воздух напоен.
Привораживая блеском
Зимородков изумрудных.
Нежных персиков повсюду
Распустился юный цвет.
У тенистого побережья
Желтых иволог увидишь,
Что под сенью ив порхают,
Здесь растущих сотни лет.
Ты идешь, — а воздух полон
Ароматом роз цветущих,
Словно черпают их запах
С каждым шагом рукава.
Ты идешь, — и с каждым шагом
Впитывается в одежды
Тонкое благоуханье,
Как дыханье волшебства.
Там для фениксов террасы
За густой листвой пестреют,
А за ними павильоны
Из бамбука и сосны,

И немолчно на террасах
Флейты звонкие играют:
Просят фениксов небесных
В сад спуститься с вышины.
Там для водяных драконов
Тихие пруды синеют,
И дрожат на чистой глади
Золотистые огни.
Рыбок пестрых здесь разводят,
Терпеливо ожидая,
Чтоб в драконов превратились
И умчались ввысь они.
В павильонах из бамбука
Дивные стихи хранятся,
К ним подобраны напевы —
Им подобных в мире нет.
А в сосновых павильонах
Книг старинные собранья,
В них к жемчужинам творенья
Ты найдешь любой ответ.
Вот искусственные горки
Камнем устланы зеленым,
И лазоревою лентой
Извиваются ручьи,
И живым ковром пионов
Сплошь окутаны беседки,
Словно бархатом цветистым
Или складками парчи.

Вон узорные решетки
Густо розами увиты,
За решетками жасмины
Пышной зарослью цветут,
Вон бегонии на грядках,
Будто щедрые ладони
Самоцветы или яшму
Рассыпают там и тут.
А какой чудесный запах
У пеонии душистой,
Как подсолнух сычуаньский
Удивительно красив!
И как будто в спор вступает,
Расточая ароматы,
Абрикосов цвет румяный
С белым цветом груш и слив.
До чего свежи, роскошны
Распустившиеся маки,
Грядки пурпурных магнолий
И азалий всех сортов!
А ятрышник ярко-алый,
Словно вызов им бросает,
И горящий златоцветник
Состязаться с ним готов.
Вон головки поднимают
И кивают туберозы,
Возле них — «Бессмертный феникс»
И «Смешливые цветы».

Дорогих румян сочнее
Их багряная раскраска,
Всюду взоры ослепляет
Блеск их нежной красоты.
Но душе всего отрадней
Ласковый восточный ветер,
Доносящий издалека
Благодатное тепло,
И в его дыханье влажном
Все сверкает свежим блеском,
Все в саду благоуханном
Пышным цветом расцвело.

Долго любовались правитель и все сопровождавшие его великолепными видами. Между тем уже давно появились придворные чины, ведающие этикетом, которые пригласили Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна в беседку Весна. Наконец правитель взял за руку Танского монаха и вошел с ним в палаты Умиротворения своих и иноземных народов, где они принялись закусывать, и здесь, пожалуй, можно рассказать о том, как их услаждали песнями, плясками, игрой на духовых и струнных инструментах, а также, каково было убранство всего помещения. Вот послушайте:

Блещут величавые ворота,
Рассыпая пестрые лучи,
Солнце ослепительно играет
На одеждах из цветной парчи.
Из дворцовых расписных покоев
Веют благовещие пары,
А весна цветы и травы всюду
Стелет, словно нежные ковры.
Реют звуки стройных песнопений,
Им свирелей вторят голоса,
Словно небожители толпою

Пировать сошлись на небеса.
Взад-вперед, блестя, летают кубки
И подносы, полные сластей.
Рад владыка, весело вельможам,
Развлекают дорогих гостей.
И придворные и чужеземцы —
Все душой умиротворены,
И сердца полны довольства, славят
Мир и счастье радостной страны.

Танский монах не мог ни к чему придраться, поскольку государь относился к нему с большим почтением, и ему ничего не оставалось, как, пересиливая себя, казаться веселым. Верно говорится: «На лице радость, а в душе горе». Неожиданно Танскому монаху бросились в глаза четыре картины в золотых рамках, висевшие на стене, с изображением четырех времен года: весны, лета, осени и зимы. К каждой картине была соответствующая стихотворная надпись, сочиненная известнейшим придворным ученым-стихотворцем из ученой палаты.

Вот какие были строки на картине, изображающей весенний пейзаж:

Вот опять небосвод
Оборот завершил ежегодный,
И ликует земля,
Обновляя свою красоту.
И поля и леса —
Все вздохнуло живей и свободней,
И сады и луга —
Все стоит в негасимом цвету.
И опять на заре
Состязаются персик и слива
Розоватой красой
Ароматных нарядов своих.
Возвращаются ласточки,

Кружатся с песней счастливой,
Чтобы тысячи гнезд
На стропилах лепить расписных.

Стих на картине, изображающей лето, был уже иной:

Веют знойные ветры,
И, жаркою ленью объаты,
Мысли тянутся смутной,
Медлительною чередой.
Во дворцовых дворах
Тихо сочные зреют гранаты,
И на солнце подсолнух
Уже налился золотой.

А полуденный сон
Легкий звук потревожил незримо:

Это флейты напев
Разливается чистой волной.
Аромат неньюфара струится
И запах чилима,
И порыв ветерка
Их доносит под полог цветной.

Стих на картине, изображающей осенний вид, звучал тоскливо:

Наклонясь над могилою,
Листья желтеют резные
На печальном утуне —
Свидетеле горестных дней,
И запахнуты плотно

В домах занавески дверные,
Потому что ночами
Становится все холодней.
«День заветный» настал.
И, приметы его узнавая,
С милым краем прощается
Ласточек дружных семья,
И гусиная стая,
Камыш на побережье ломая,
Устремляется ввысь,
Улетая в чужие края.

Стих на картине, изображающей зиму, был совсем грустный:

Облака пролетают,
И тусклое небо дождливо,
Всюду холод и мгла.
Застилает туман берега.
Скоро северный ветер
Дохнет над землей сиротливой,
И на тысячи гор
Серебристые лягут снега.
А из горниц укромных
Тепло по дворцу заструилось:
Там жаровни узорные
Докрасна раскалены.
Говорят, что вчера
Снова слива в саду распустилась,
И дворцовые лестницы

Юных красавиц полны.

Правитель заметил, с каким интересом Танский монах читал стихи.

— Уважаемый зять! — воскликнул он. — Ты, верно, сам любишь сочинять стихи, раз с таким любопытством смотришь на эти строфы. Если тебе не жаль своих слов, драгоценных, словно яшма или жемчуг, то, прошу тебя, сложи стихи в подражание этим.

Танский наставник был до того увлечен сопоставлением стихов и рисунков, так ясно представлял себе, что было на душе у художника и поэта, что невольно тут же сложил стих:

Солнышко греет, лед весь растаял,

Творить начинает земля...

Государь очень обрадовался и обратился к своему телохранителю:

— Принеси скорей кисть, тушечницу и бумагу! Мы попросим нашего зятя записать стихи, которые он сложил, а потом на досуге будем наслаждаться ими.

Наставник, вдохновленный удачей, не стал отказываться. Он взял писчую кисть и написал в подражание каждому стихотворению свое четверостишие.

К изображению весеннего пейзажа:

Снова солнышко греет,

И льдины темнеют и тают,

И, от сна пробуждаясь,

Творить начинает земля.

А в дворцовом саду

Молодые цветы расцветают,

Так легко и шутливо

Свои лепестки шевеля.

Вест ласковый ветер,

Колышется рис на равнине,

Льетса дождь благодатный —

Все радуется сердце крестьян.
Стихли волны морей,
Снова реки прозрачны и сини,
И тревоги исчезли,
Как тает на солнце туман.

К изображению летнего пейзажа:

Долго тянутся дни,
Не спешат разгореться закаты.
Звездный Ковш в небесах
Устремлен на полуденный край.
Как багряным огнем,
Лепестками оделись гранаты,
Облаками цветов
С ними спорят деревья хуай.
В старых парках дворца,
Среди зарослей ивы плакучей
Песня иволги вьется
И крики стрижей над рекой.
Свежий ветер струит
Отголоски их звонких созвучий
И под полог багряный
Доносит в дворцовый покой.

К изображению осеннего пейзажа:

Запах спелых плодов
Долетает из каждого сада,
Мандарин еще зелен,

Зато пожелтел апельсин.
Кипарисы и сосны темнеют.
Они словно рады,
Что серебряный иней
Покрыл их до самых вершин.
Приоткрыв лепестки,
Сотни астр вдоль оград запестрели,
Разноцветным узором
Блестя, как живая парча.
Где-то слышится песня
И вместе с напевом свирели
К облакам улетает,
В осенних просторах звуча.

К изображению зимнего пейзажа:

Как ясны небеса
После нескольких дней снегопада!
Легок воздух морозный,
И снег под ногами хрустит.
Удивительной стала
Хребта голубая громада,
Скал причудливый гребень,
Как белая яшма, блестит.
В печках тлеет кизяк,
Тянет запахом добрым и милым:
Это пахнет из комнат
Топленным, густым молоком.
Звонко девы поют,

Прислонясь к изумрудным перилам,

И в цветных рукавах

Прячут зябкие ручки тайком.

Правитель еще больше обрадовался, когда прочел эти стихи, так подходившие к стихам на картинах. От удовольствия он даже прочел вслух последнюю строку: «Звонко девы поют, прислонясь к изумрудным перилам, и в цветных рукавах прячут зябкие ручки тайком». Правитель тут же велел переложить на музыку стихи Сюань-цзана, и весь день музыканты их исполняли.

В это время Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн пировали в беседке Весна. Каждый из них хлебнул несколько чарок вина и слегка захмелел. Они собрались было пойти за своим наставником, но, увидев, что он сидит вместе с правителем, раздумали. Чжу Ба-цзе разобрал хмель, и он принялся горланить:

— Эх-ма! До чего же весело живется! Сегодня уж я наелся и напился как следует! Пока сыт, надобно пойти поспать!

— Да разве можно! — засмеялся Ша-сэн. — Ты, братец, видно, совсем не занимался самоусовершенствованием. Как же можно сразу спать после такой сытной еды?

— Что ты понимаешь! — возразил Чжу Ба-цзе. — Есть такая пословица: «Кто поевши не растянется, тот жир себе не нагуляет!».

В это время в беседку вошел Сюань-цзан и накинулся на Чжу Ба-цзе.

— Мерзавец! Совсем обнаглел, мужлан этакий! — гневно закричал он. — Где ты находишься? Как смеешь горланить здесь! Знаешь ли ты, что, если правитель рассердится, тебе несдобровать?

— Ничего он мне не сделает! — ответил Чжу Ба-цзе. — Мы породнились с ним, и он должен относиться к нам как к родственникам. Ему даже и укорять нас теперь неудобно. Как говорится, мы с ним «неразлучная родня, разлюбезные сватья»! Чего же ты боишься? Мы ведь шутим...

Наставник не вытерпел. Он грозно прикрикнул на Чжу Ба-цзе и обратился к остальным ученикам:

— Ну-ка, держите покрепче этого дурака! Я ему всыплю сейчас двадцать палок, чтобы он прозрел!

Сунь У-кун не долго думая схватил Чжу Ба-цзе и повалил ничком, а наставник вооружился

палкой и принялся бить его.

— Отец! Зять! Смилуйся! Пощади меня! — завопил Чжу Ба-цзе.

Стоявшие сбоку придворные чины вступились за него. Чжу Ба-цзе с трудом поднялся на четвереньки и загнусявил:

— Хорош дорогой гость, нечего сказать! Вот так «зять»! Еще не породнился, а уже начинает расправляться по-царски!

Сунь У-кун зажал ему рот и крикнул:

— Замолчи! Ложись лучше спать скорее!

Они провели еще одну ночь в беседке Весна. На другой день с самого утра снова началось пиршество.

В радости и веселье незаметно прошло несколько дней и, наконец, наступило утро счастливого дня, — двенадцатое число! Чины трех разных отделов, состоявшие при стольничьем приказе, явились к правителю с докладом:

— Со дня получения всемилостивейшего повеления восьмого числа было начато сооружение свадебного помещения для уважаемого зятя, каковое ныне уже закончено! — сообщили они. — Все готово для приема приданого от царевны-невесты, и мы почтительно пребываем в ожидании оногo. К свадебному пиру тоже все готово. Скромных и постных яств будет подано более, чем на пятьсот столов!

Государь был очень рад и уже хотел предложить своему нареченному зятю отправиться на пир, как вдруг из внутренних покоев дворца появился придворный чин. Он предстал перед государем и доложил ему:

— Десять тысяч лет тебе здравствовать, государь! Тебя просит пожаловать матушка-государыня! — проговорил он.

Государь тотчас же направился во внутренние покои. Тем временем царицы из трех дворцов и придворные девы из шести палат провели царевну-невесту во дворец Озаренный солнцем и там весело шутили. Вот уж поистине всех этих девиц можно было бы сравнить с букетом цветов или с разноцветной парчой! Они были так прелестны, что, право, превосходили любую красавицу из Лунного дворца и даже из небесных чертогов. И уж во всяком случае ни одна из них не уступала придворным служительницам бессмертной Небесной царицы.

Вот послушайте, что говорится о них в стихах:

Прекрасная свадьба!
Радость! Радость! Радость!
Веселитесь и пойте,
В брак вступает чудесная пара,
На прекрасной царевне
Муж достойный желает жениться,
А невеста красива
И нежна, как цветок неньюфара,
С ней и лунной царице —
Величавой Чан Э — не сравниться!
На вишневые губки,
На жемчужные зубки взгляните,
На пунцовые щечки,
Что алее весенних пионов,
В волосах, как живые,
Золотые колышутся нити,
И блестят ее шпильки
С головами жар-птиц и драконов.
Легок стан ее гибкий,
Словно стебель цветка молодого.
В пышный зал она сходит
По ступеням сверкающих лестниц.
Ароматами вея
И блистая одеждой парчовой.
Проплывает по залу
В хороводе нарядных прелестниц.
Встреча! Встреча! Встреча!

Мы сегодня встречаем
Ту, что всех превзошла и пленила,
И лицом и нарядом
С ней сама Мао Цян не сравнится,
Дев из Чу знаменитых
Красотой она дивной затмила,
Пред ее совершенством
Ниц падут все земные столицы.
Вдвое краше невеста
В ослепительном свадебном шелке,
А чиста, благородна,
Словно лилия или орхидея.
Золотыми огнями
Блещут кольца ее и заколки,
Лишь цветок или яшма
Красотою сравнились бы с нею.
Лик ее набеленный
Выражает и знатность и славу,
Брови тонки, как нити,
Как далеких вершин очертанья,
Средь нарядных подружек
Выступает она величаво,
А улыбка и взоры
И скромны и полны обаянья.

Прекрасна! Прекрасна! Прекрасна!
Как небесная дева,
Как бессмертная дева — прекрасна!

Сколько прелести гордой
В каждом взоре ее, в каждом жесте!
Все любви в ней достойно,
Все волнует глубоко и страстно,
И помада и пудра —
Все к лицу нашей юной невесте.
Право, можно подумать,
Что явилась она в это утро
Не из царского дома,
А с далекой вершины Тяньтая.
Так изящны манеры,
Так звучат ее речи премудро,
Так сияет улыбка,
С нежных губ ароматом слетая.
Под мелодию флейты,
Под родные девичьи напевы
В хороводе веселом
Вьется птицей она золотою.
Пусть нежны и красивы
Вкруг нее благодравные девы —
Ни одна не сравнится
С бесподобной ее красотой!

Свадьба! Свадьба! Свадьба!
Орхидеями пахнет,
Веет мускусом пряным и томным,
Молодые красавцы
Перед входом рядами застыли,

Девы пестрой толпою
Собираются в зале огромном,
И придворные дамы
Свои пышные платья сменили.
А царевна-невеста
Одеянием новым блистает,
З Взыты пышной прической
Благовонные, черные пряди,
Из-под верхней одежды
Разноцветная юбка спадает.
И горят самоцветы
На ее драгоценном наряде.
Вот слышались в зале
Звуки музыки дивно согласной,
И в кружащемся танце
Цвет лиловый смешался с пунцовым,
И для радостной встречи
Этой царственной свадьбы прекрасной
Мы в счастливое утро
Собираемся в зале дворцовом!

Вернемся, однако, к правителю, который прибыл во дворец Озаренный солнцем. Навстречу ему вышли царицы и придворные дамы, ведя царевну. Остальные пышно разодетые девы и прислужницы тоже сопровождали их. Правитель занял свое место и был в самом благодушном настроении. По окончании церемонии поклонов, совершенных царицами и всеми остальными, государь обратился к царевне.

— Доченька моя! — ласково сказал он. — Желание твое сбылось, тебе посчастливилось встретиться с праведным монахом в тот день, восьмого числа, когда ты кинула свой разноцветный мячик. Приготовления к свадьбе уже завершены. Сегодня как раз наступил желанный срок. Будь готова явиться вовремя на пир, чтобы осушить свадебный кубок. Смотри не опоздай и не упусти счастливый час!

Царевна приблизилась к правителю и повалилась ему в ноги.

— Отец мой, повелитель! — проговорила она, низко кланяясь. — Молю тебя, прости мой тяжкий грех, но позволь все же словечко молвить! Я слышала, что у Танского монаха есть трое спутников-учеников, страшных и безобразных на вид. Я боюсь встретиться с ними. Умоляю тебя, отец, вели выпроводить их из города, не то от испуга со мной может случиться беда. — Доченька моя, — отвечал ей правитель, — спасибо, что напомнила мне. Я совсем позабыл, что эти трое действительно на редкость безобразны. Сейчас они в дворцовом саду, в беседке Весна. Все эти дни я велел ухаживать за ними, а теперь хватит. Пусть принесут подорожную, и я отправлю их из города. Вот тогда мы и попируем на славу!

Царевна вновь совершила низкий поклон, поблагодарив за милость, а правитель не мешкая отправился в тронный зал и велел пригласить к нему нареченного зятя с его тремя учениками. Все это время Танский монах аккуратно вел счет дням. Двенадцатого числа, еще до наступления рассвета, он разбудил своих учеников, чтобы посоветоваться с ними, как быть дальше.

— Ну вот, сегодня уже двенадцатое... — удрученно проговорил он. — Что же мне делать?

Сунь У-кун стал успокаивать его:

— Я уже определил, что над правителем нависли темные силы, — сказал он, — правда, пока они не причинили ему вреда. Царевны я еще не видел. Вот если бы она вышла, я сразу же, с одного взгляда, определил бы: настоящая она или нет, а тогда можно было бы начать действовать. Ты только не беспокойся. Нынче нас обязательно попросят покинуть город, и ты соглашайся. Я мигом вернусь, только переменю свой облик, и буду неотступно охранять тебя.

И действительно, пока учитель и его ученики совещались, появились дворцовые чины, ведающие царским выездом и церемониалом, которые передали приглашение. Сунь У-кун рассмеялся:

— Идем! Идем! — вскричал он. — Наверное, нам сейчас устроят проводы, а наставник наш останется здесь и будет сочетаться законным браком.

— На прощанье нам, конечно, подарят изрядное количество золота и серебра, — начал мечтать вслух Чжу Ба-цзе. — На эти деньги мы сможем закупить разные вещи для подарков и отправимся восвояси. Я вернусь в дом к своему тестю и вновь заживу со своей зазнобушкой...

— Попридержи язык, — остановил его Ша-сэн. — Пусть всем распорядится наш старший братец Сунь У-кун.

Быстро собрав поклажу и коня, наши путники отправились вслед за придворными чинами и прибыли к красному крыльцу у дворца. Правитель принял их и велел приблизиться.

— Подайте мне вашу подорожную, — приказал правитель. — Мы сейчас приложим к ней нашу государственную печать, поставим подпись, а затем вернем ее, чтобы вы могли следовать дальше. Кроме того, вам приготовлено достаточно разных припасов на дорогу. Скорей отправляйтесь на чудесную гору Линшань поклониться Будде. Если раздобудете священные книги и снова будете проходить здесь, получите от меня щедрое вознаграждение. Зять пусть остается здесь, и вы о нем не беспокойтесь.

Сунь У-кун поблагодарил правителя и велел Ша-сэну достать подорожную, которую и вручил правителю. Тот прочел ее, поставил печать и собственноручно расписался. Затем правитель взял десять слитков золота и двадцать слитков серебра и передал их Сунь У-куну в дар. Как вам уже известно, Чжу Ба-цзе был корыстолюбив от природы. Он поспешил принять этот подарок и спрятал его, а Сунь У-кун в это время по-монашески стал кланяться правителю, бормоча какие-то буддийские изречения. Затем он повернулся и хотел удалиться, но Танский наставник кубарем скатился со своего сиденья, бросился к нему и вцепился в него обеими руками.

— Как же это вы собираетесь оставить меня одного?! — вскричал он, в отчаянии скрежеща зубами.

Сунь У-кун схватил Сюан-цзана за руки и, крепко сжав их, подмигнул ему:

— Ты пируй себе на славу, — лукаво произнес он, — а мы ходим за священными книгами и скоро вернемся к тебе.

Танский наставник совсем растерялся: он не знал, верить или не верить своему ученику, и не хотел отпускать его. Придворные, глядя на них, думали, что они и в самом деле прощаются. Наконец правитель пригласил зятя занять свое место на тронном возвышении, а придворным велел проводить его учеников за город. Танскому наставнику ничего не оставалось как повиноваться.

Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, выйдя за ворота, распростились с придворными.

— Неужели мы и впрямь отправимся одни? — спросил Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун ничего ему не ответил. Когда они пришли к почтовой станции, смотритель встретил их и провел в помещение. Им подали чай и стали готовить еду.

— Вы пока оставайтесь здесь, — сказал Сунь У-кун, — и старайтесь не привлекать к себе внимания. Если смотритель будет спрашивать вас о чем-либо, отвечайте ему уклончиво, а со мной не заговаривайте. Я отправлюсь охранять наставника.

Ай да Великий Мудрец! Он выдернул волосок, дунул на него своим волшебным дыханием и воскликнул: «Превратись!». Волосок сразу же превратился в полную копию Сунь У-куна и остался с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном на заезжем дворе. Сам же Сунь У-кун подпрыгнул в воздух и превратился в пчелку.

Желтых крылышек мерцанье,
В сладком соке хоботок,
В полосатом, легком тельце
Жало острое несет.
То стрелой по ветру мчится,
То садится на цветок,
То в лучах горячих пляшет,
То стремглав летит вперед.
Лучше всех она умеет
Сок цветочный отыскать
И, собрав нектар душистый,
Унести его тайком.
Целый день в трудах проводит
И не хочет отдыхать:
То напрасно суетится,
То колдует над цветком.
День за днем она готовит
Нам густой и сладкий мед,
И не ведает, бедняжка:
Этот мед — не для нее.
Поработает все лето
И среди душистых сот
Нам на память оставляет
Тельце хрупкое свое.

Вообразите себе, с какой легкостью Сунь У-кун влетел во дворец! Там он увидел своего наставника, который сидел на расшитом стуле по левую сторону правителя. Брови у него были скорбно сдвинуты, а сердце пылало, как раскаленный уголь. Сунь У-кун подлетел прямо к наставнику и уселся на его головном уборе. Затем он тихонечко подполз к уху своего учителя и прожужжал:

— Наставник! Я здесь. Не грусти и не печалься.

Эти слова слышал только Сюань-цзан, никто из присутствующих, конечно, ничего не подозревал.

Услышав голос Сунь У-куна, Танский монах почувствовал душевное облегчение. Вскоре явился начальник внутреннего дворца и пригласил государя на пир.

— Десять тысяч лет тебе здравствовать, великий государь! — молвил он. — Сейчас во дворце Вещей сороки начнется свадебный пир. Матушка-царица с царевной уже там. Они изволили просить тебя, государь, пожаловать со знатным гостем.

Государь был беспредельно рад и весело отправился на пир со своим нареченным зятем.

Вот уж поистине:

Любил цветы владыка легковерный,

Но претерпел от них одно лишь горе.

Взяло раздумье Танского монаха,

А думы скорбь в нем породили вскоре.

О том, как Танскому наставнику удалось избавиться от напасти и покинуть дворец царевны, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/289698>